Автор: Оргкомитет
19.12.2014 00:32

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2014" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2014 года.

1 место

Конкурсное произведение 279. "Волхвы и Василий"

Когда поёживается земля
Под холодным пледом листвы,
В деревню "Малые тополя",
А может, "Белые соболя",
А может, "Просто-деревню-мля"
Хмуро входят волхвы.

Колодезный ворот набычил шею,
Гремит золотая цепь.
Волхвам не верится, неужели
Вот она - цель?
Косые взгляды косых соседей,
Неожиданно добротный засов,
А вместо указанных в брошюрке медведей
Стаи бродячих псов.

Люди гоняют чифирь и мячик,
Играет условный Лепс.
Волхвы подзывают мальчика: "Мальчик,
Здесь живёт Базилевс?"
И Васька выходит, в тоске и в силе.
Окурок летит в кусты.
"Долго ж вы шли, - говорит Василий.
Мои руки пусты, - говорит Василий.
Мои мысли просты, - говорит Василий.
На венах моих - кресты."

Волхвы сдирают с даров упаковку,
Шуршит бумага, скрипит спина.
"У нас, - говорят, - двадцать веков, как
Некого распинать.
Что же вы, - говорят, - встречаете лаем.
Знамение, - говорят, - звезда."

А Василий рифмует ту, что вела их:
"Вам, - говорит, - туда."
Василий захлёбывается кашлем,
Сплёвывает трухой,
"Не надо, - шепчет, - лезть в мою кашу
Немытой вашей рукой.
Вы, - говорит, - меня бы спросили,
Хочу ли я с вами - к вам.
Я не верю словам, - говорит Василий.
Я не верю правам, - говорит Василий.
Я не верю волхвам", - говорит Василий
И показывает волхвам:

На широком плече широкого неба
Набиты яркие купола.
Вера, словно краюха хлеба,
Рубится пополам.
Земля с человеком делится обликом,
Тропа в святые - кровава, крива.
А небо на Нерль опускает облаком
Храм Покрова.
Монеткой в грязи серебрится Ладога,
Выбитым зубом летит душа,
А на небе радуга, радуга, радуга,
Смотрите, как хороша!

Волхвы недоуменно пожимают плечами,
Уворачиваются от даров.

Волхвы укоризненно замечают,
Что Василий, видимо, нездоров.
Уходят, вертя в руках Коран,
Кальвина, Берейшит.

Василий наливает стакан,
Но пить не спешит.

Избы сворачиваются в яранги,
Змеем встаёт Москва,

И к Василию спускается ангел,
Крылатый, как Х-102:
"Мои приходили? Что приносили?
Брот, так сказать, да вайн?"
"Да иди ты к волхвам, - говорит Василий.
А хочешь в глаз? - говорит Василий.
Давай лучше выпьем", - говорит Василий.
И ангел говорит: "Давай."

2 место

Конкурсное произведение 151. "Бесогон"

Хозяйка вышивает гобелен. Хозяин на охоту снарядился.
... Собачьи дети девяти колен убиты были, чтобы он родился. Вонючей тиной заросли мешки – в них матери, сыночки их и дони. Им хорошо. Они на дне реки. А он один, в сыром подземном схроне.
Он видит сны про облако и сад, где нет людей, а звери лишь да птицы: там у ворот – его лохматый брат, а на поляне – рыжие сестрицы. Они резвятся весело - увы, его к себе ничуть не ожидая, и только мама смотрит из травы глаза в глаза – такая молодая...
Он слышит, сатанея от тоски: чумазые, в коросте от болячек, ровесники – соседские щенки – гоняют впятером тряпичный мячик, и так им хорошо от суеты и воли, одурительной и сладкой, что даже многомудрые коты на крышах улыбаются украдкой.
Он знает, что особенный – его оберегают, как зеницу ока, затем, чтоб никакое колдовство его не изничтожило до срока, не придушила намертво петля, не отравила сорная мучица – вокруг него поставлена земля, и борона ощерилась волчицей.
Он понимает, сам себя страшась, и оттого то рыкая, то плача, что с каждым часом всё сильнее связь с необъяснимым чем-то несобачьим, и хочет затаиться и пропасть, и чувствует: как черти в табакерке, чужие зубы заполняют пасть – опасные, стальные, не по мерке.
Не спится. Прокопать бы тайный лаз и убежать – к Макару и телятам. Но чей-то ненавистный жёлтый глаз следит за ним, от самого заката – и, позабыв о том, что глух и нем подлунный мир, бездельник и прокуда, ярчук поёт – от ненависти к тем, из-за кого рождён и жив покуда.

3 место

Конкурсное произведение 260. "Возвращение в лабиринт. Адониада Ариадны"

... Здесь проснётся сад. Скоро свет просочится сквозь
незадёрнутый свод. Будет ветер к земле клонить
травяную ось,
прикоснёшься - с неё на ладонь соскользнёт ответ,
кто тебя хранит, кто течёт, холодком дразня.
Прочитай губами, как раньше читал меня.

А теперь кончается нить,

ведь никто, как ты, не искал в лабиринте суть,
возвращаясь сюда. Ведь как ты - не посмел никто
под землёй уснуть -
и проснуться в саду - в полусонной его листве,
в колосках травы, в еле слышимом колдовстве,
с одуванчиком на растрёпанной голове.

Это было долгое До...

... оглядись, Эгид: вместо стен и песка - каскад
успокоенных вод. Охраняют небесный скат
голоса цикад.
Но в ладони болит роса, обретая цвет. -
Эти травы не помнят о нашем с тобой родстве.
Вместо сна и снега - спускается первый свет.
Шелестит проснувшийся сад...

4 место

Конкурсное произведение 156. "Тонок лед"

"Тонок лёд над непознанной областью мира,
погоди, через вечность возьмётся покрепче,
вот тогда и пойдём, взяв и ладан, и мирру,
всякой твари по паре, птиц хищных и певчих,
виноградные лозы и злаков запасы,
и созревшую глину, и спящие души..."

Демиург лепит мир из бушующей плазмы,
и расходится тьма, и сгущается суша,
и стекаются в жёлоб горячие реки —
в первозданном бульоне кипят варианты.
Остаётся каких-нибудь три миллиарда

до следов человека.

Вот подводные твари выходят на берег
и напрасными жабрами воздух тягучий
тянут тягостно — жизнь всё больнее и гуще.
От идейных истерик
отделяет всего лишь пятьсот миллионов
то ли лет, то ли прочих абстрактных понятий,
и начнётся пора оцифрованных клонов
и продажных объятий.

И с каким фонарём ни заглядывай в души,
но везде отражается только сиротство.
Если хочешь — кричи, да ведь некому слушать,
так что лучше — немотствуй.

И когда демиург, подчинившись порыву,
потому что он тоже над главным не властен,
потому что он только талантливый мастер,
выйдет в чат и напишет спешащим курсивом:
"тоноклёднаднепознаннойобластьюмиратоноклёднаднепознаннойобластьюмиратоноклёднаднепознаннойобластьюмира" —
да, вот именно так, без пробелов и знаков
препинания мысли, ты сможешь ответить:
"Потерпи, через вечность...", и следом, заплакав:
"Как ты там, мой хороший? Соскучились дети...".

5 место

Конкурсное произведение 77. "Контрабандист"

Пока мои тянут подельники - мул и вол -
расшитую нашей хозяйкой тугую лямку,
и ёлка, на цыпочки встав, напрягает ствол
и верхними ветками в небе копает ямку,

пока моё солнце слепит фонарями луж,
а ветер командует сбросом тяжёлых капель,
пока из супеси полуоживший уж
зловещей верёвкой вползает на тёплый камень,

пока моей будущей бабочке жмёт скелет
(так резвому слогу болезненно жмёт бумага),
пока по ухабам тащится драндулет -
предательски скрыпучая колымага,

пока летним утром мытарь забылся сном,
пока ему снится любовница или мама,
везу в мир живых, грошовым укрыв стихом,
ворованный воздух горнего Мандельштама.

6 место

Конкурсное произведение 197. "Сижу и ставлю"

Сижу и ставлю под стихами даты.
Шурша архивом. Ночью. Как сова.
Как будто так уж важно то, когда ты
сказал вот эти, а не те слова.
Рука, не дрогнув, может врать отважно.
Что спросится с тебя, листок бумажный,
за неимением улик,
когда ты желтым станешь, как старик?

Жизнь памяти реальна, хоть бесплотна.
Я датами загромождаю мозг,
как Иероним когда-то Босх
подробностями мук свои полотна.
И память – сон с открытыми глазами –
как образами, полнится слезами.

Но эта ложь классическая в рифме
лишь возвращает к датам, дням, часам,
когда готов был волю дать слезам,
но, как теперь, недоставало их мне.
Глаза сухи, как дно пустых колодцев,
и даты разбрелись в мозгу,
как овцы.
И что я сам?

Что делать мне?
Библейским пастухом
пасти их стадо, множить, ждать обмана...
года, как мелочь в дырочку кармана,
в прореху жизни, что зовут стихом,
текут под пересуды очевидцев.
Кого забыть? печалится о ком?
и, ставя даты, видеть
лица, лица...
сплошной их ком,
точнее – вереницу.

Ещё точнее: всё – слова, слова...
Стихами жизнь разрезана на строчки,
на прутике строки слова, как почки,
живут, и смысл в них зреет, как листва,
и обещает в будущем раскрыться,
чтоб вглядываться в завтрашние лица
смогли уже вчерашние слова.

7 место

Конкурсное произведение 220. "Не отпустила"

Не отпустила. Грозилась повеситься.
Он остался.
Больше любила, наверно. Был весь в отца.
Первый. Старший.

Батю не помнили фотокарточки.
Спит пехота
где-то под Курском, лежит вповалочку.
Беззаботно.

Здесь – лебеда, трудодни да пахота.
Сон короткий.
Быстро взрослелось в черной рубахе той.
Бесповоротно.

Ближе к земле – проще выжить, казалось бы.
Он и выжил.
Ниже к земле без единой жалобы –
небо ближе.

Небо держалось, скрипело на избах трех.
И устало.
Вкрадчиво, как проступает на камне мох,
ела старость.

В том году засуха выгрызла дочерна
все живое.
Мать отправлял к городской ее дочери.
Под конвоем.

После до света курил под окошками.
Выла псина.
И тишина ртом немым перекошенным
голосила.

Всех поминала, кому не по возрасту
жмет землица.
И не ослабить тесного ворота.
Не откреститься.

Мать хоронили за тысячу верст. И он
не поехал.
Вязла деревня в осени островом
по застрехи.

Жар ледяной оседал в крови спорами,
белым сором.
Спрашивал землю и небо, скоро ли?
Вышло скоро.

В город свезли против воли. На химию.
Врач в палате
детям сказал: он не помнит имени,
неадекватен.

Все повторяет: откройте ставни, мол,
света мало.
И для чего ты меня оставила
.....

8 место

Конкурсное произведение 76. "Провинциальное"

...и неважно, где он и как зовётся –
городок с часовенкой под ребром.
Ночью время черпаешь из колодца,
до утра гремишь жестяным ведром.

И душа наполняется зыбкой грустью.
Всё застыло будто бы на века
в закоулках этого захолустья.
На цепи по-волчьи скулит тоска.

...колосится утро над бездорожьем.
На лугах – ершистая трын-трава.
Вот бы враз оторваться, сдирая кожу! –
Отболев, отникнуть, но – черта с два! –
Как ни бейся – хлёсткая пуповина
неизменно тянет тебя назад.

...у хозяйки – брага (к сороковинам).
На столе – портрет (утонувший брат).
На цветастом блюдце – свечной огарок.
Кислый квас – во фляге. В печи – блины.
На плакате выцветшем – Че Гевара,
и ковёр с оленями – в полстены.

Даже то, к чему ты едва причастен,
прикипает к памяти навсегда.
В сенокос – царапины на запястьях,
да жара без продыху – ерунда.
От того, что было сплошной рутиной –
горячо и больно, по телу – дрожь...

тишина колышется паутиной –
даже выдохнуть страшно,
а вдруг порвёшь?

9 место

Конкурсное произведение 167. "Кот в мешке"

Лежишь, обёрнут покоем ватным,
Когда без стука заходит в дом
Агент рекламный из фирмы «Фатум» -
И предлагает мешок с котом.

Агент брутален: в зрачках — пустоты,
В усах - ухмылка — но Бог бы с ним,
Да из-под шляпы сверкает что-то:
Возможно — рожки, возможно — нимб.

Агент мурлычет: «Возьми котейку!
Потом рассмотришь, пока что взвесь.
Мешок — в подарок. Цена — копейки:
Покой душевный, и то не весь».

Ты хочешь хмыкнуть: «Ступайте, дядя!
На кой мне сдался Ваш кот с мешком?», -
Но почему-то берёшь, не глядя,
И лезешь в душу за кошельком.

...Агент истаял. Стоишь угрюмо.
Пустую душу слегка штормит
В тяжёлых волнах его парфюма
(Возможно — сера, возможно — мирт).

Пора бы глянуть — что там за вещь-то?
И ты склоняешься над мешком,
Завязку режешь - оттуда нечто
Сигает в душу одним прыжком.

...С тех пор и ходишь: в зрачках — пустоты,
В усах — улыбка, в груди — дыра,
В душе уютно свернулось что-то:
Возможно — пекло, возможно — рай.

10 место

Конкурсное произведение 24. "Когда наступает время..."

Когда наступало время тоски и вечера,
он, за́ день своё положенное избе́гав,
утюжил рубашки, бережно вешал на плечики;
все белые-белые, белей твоего снега.
Ходил, любовался. Мурлыкал под нос мелодии.
Следил, чтобы всё в порядке – любая малость:
ему так казалось, что он не один. И, вроде бы,
рубашкам тоже так нравилось и казалось.
Вздыхал, что его чудеса зарастают былями,
что люди свои проблемы решают "сами"...
Рубашки, впуская людей, шелестели крыльями.
Хранили, спасали...